

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

К. ДЖ. СЭНСОМ

ПЛЮЧ

МОСКВА
2016

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
С97

C. J. Sansom

LAMENTATION

© 2014 by C. J. Sansom

Оформление серии *С. Шикина*

Иллюстрация на перелете *А. Дубовика*

Сэнсом, Кристофер Джон.

С97 Плач / К. Дж. Сэнсом ; [пер. с англ. А. Кононова]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 640 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-92842-2

Лондон, 1546 год. Переломный момент в судьбе всей английской нации...

В свое время адвокат Мэтью Шардлейк дал себе слово никогда не лезть в опасные политические дела. Несколько лет ему и вправду удавалось держаться в стороне от дворцовых интриг. Но вот снова к Мэтью обратилась с мольбой о помощи королева Екатерина Парр, супруга короля Генриха VIII. Беда как нельзя более серьезна: из сундука Екатерины пропала рукопись ее книги, в которой она обсуждала тонкие вопросы религии. Для подозрительного и гневливого мужа достаточно одного лишь факта того, что она написала такую книгу без его ведома — в глазах короля это неверность, а подобного Генрих никому не прощает. И Шардлейк приступил к поискам пропавшей рукописи, похищение которой явно было заказано высокопоставленным лицом, мечтавшим погубить королеву. А значит, и Екатерине, и самому адвокату грозит смертельная опасность...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Перевод на русский язык, Кононов М.В., 2014
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-92842-2

КОММЕНТАРИЙ АВТОРА

Тонкости религиозных различий в Англии XVI столетия сегодня могут показаться неважными, но в сороковых годах того века они были буквально вопросом жизни и смерти. Генрих VIII в 1532–1533 годы отверг верховенство папы римского над английской Церковью, но позже, до конца своего правления, колебался между сохранением традиционных католических порядков и переходом к протестантским. Тех, кто предпочитал традиционные устои — или даже хотел возвращения к верности Риму, — называли по-разному: консерваторами, традиционалистами и даже папистами. Те же, кто хотел перехода к лютеранским, а позже к кальвинистским порядкам, стали называться радикалами или протестантами. Термины «консерваторы» и «радикалы» тогда не имели приобретенного позже смысла, связанного с социальными реформами. Многие в 1532–1538 годы переходили с одной стороны на другую — или по искреннему убеждению, или, чаще, из оппортунизма. Некоторые, хотя и не все, религиозные радикалы считали, что государство должно делать больше для борьбы с бедностью, однако и радикалы, и консерваторы в равной мере ужасались идеям анабаптистов, очень немногочисленных, но являвшихся жупелом для политической элиты. Анабаптисты верили, что истинное христианство означает разделение всех богатств между всеми людьми.

Пробным камнем приемлемой веры в 1546 году стала приверженность традиционной католической доктрине о «пресуществлении» — вере в то, что когда священник во время мессы освящает хлеб и воду, они физически преобразуются в тело

и кровь Христа. Это было традиционное верование, от которого Генрих никогда не отклонялся. Его «Актом о шести статьях» 1539 года отрицание пресуществления объявлялось изменой и наказывалось сожжением у столба. Другим основным верованием английского правителя было верховенство королевской короны: в вопросах учения Бог нарек верховными судьями монархов, а не папу, на подвластных им территориях.

* * *

Политические события в Англии летом 1546 года были необычайно драматическими. Анна Эскью была действительно обвинена в ереси, ее пытали и сожгли у столба, и она оставила отчет о своих страданиях. Празднования по случаю прибытия в Лондон адмирала д'Аннебо действительно имели место, и сохранились их описания. История про Бертано также не выдумана. Существовал заговор традиционалистов, чтобы сместить Екатерину Парр, и она написала книгу «Стенание грешницы», которая была опубликована только после смерти Генриха VIII. Впрочем, насколько известно, украдена эта книга не была.

* * *

Дворец Уайтхолл, отобранный Генрихом у кардинала Уолси и значительно расширенный им, занимал примерно то место, где сейчас располагаются Скотленд-Ярд, Даунинг-стрит, Темза и современный проезд в Уайтхолл с развлекательными строениями в западной его части. Дворец сгорел до основания после двух случайных опустошительных пожаров в 90-х годах XVII века. До наших дней дожила лишь одна его постройка — Пиршественный зал, однако во времена Тюдоров ее еще не было.

* * *

Некоторые английские слова времен Тюдоров имеют сейчас другое значение. Голландцами (Dutch) называлось население современных Голландии и Бельгии. Имя Кэтрин писалось по-разному — Catherine, Katharine или Katryn. Королева Екатерина Парр, ставя подпись, использовала последний вариант.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИХ МЕСТО В ПОЛИТИКО-РЕЛИГИОЗНОМ СПЕКТРЕ

В романе присутствует необычно большое число персонажей, прототипы которых действительно жили в то время, однако, конечно же, изображение их личностей принадлежит мне.

Королевское семейство

Король Генрих VIII

Королева Екатерина Парр

Принц Эдуард, 8 лет, наследник трона

Леди Мэри, 30 лет, горячая сторонница традиционализма

Леди Елизавета, 12–13 лет

Семейство Екатерины Парр, все реформаторы

Лорд Уильям Парр, ее дядя

Сэр Уильям Парр, ее брат

Леди Энн Герберт, ее сестра

Сэр Уильям Герберт, ее зять

Члены королевского Тайного совета

Джон Дадли, лорд де Лайл, реформатор

Эдвард Сеймур, граф Хартфордский, реформатор

Томас Кранмер, архиепископ Кентерберийский, реформатор

Томас, лорд Ризли, лорд-канцлер, не имеет твердой религиозной приверженности

Сэр Ричард Рич, не имеет твердой религиозной приверженности

Сэр Уильям Пэджет, государственный секретарь, не имеет твердой религиозной приверженности

Стивен Гардинер, епископ Винчестерский, традиционалист

Томас Говард, герцог Норфолкский, традиционалист

Другие

Уильям Соммерс, шут короля

Джейн, дурочка королевы Екатерины и леди Мэри

Мэри Оделл

Уильям Сесил, впоследствии главный министр королевы Елизаветы I

Сэр Уильям Уолсингэм

Джон Бойл

Анна Эскью (Кайм)

Глава 1

Мне не хотелось присутствовать на сожжении. Я никогда не любил даже таких вещей, как травля медведя, а тут собирались сжечь у столба заживо четырех человек — и среди них женщину — за отрицание того, что тело и кровь Христовы физически присутствуют на святой мессе. Вот до чего мы дошли в Англии в 1546 году во время охоты за еретиками!

Меня вызвали из моей конторы в Линкольнс-Инн¹ к казначею, мастеру Роуленду. Несмотря на мой статус сержанта², самый высокий для барристеров, мастер Роулэнд меня недолюбливал. Думаю, его самолюбие так и останется уязвленным с тех пор, как три года назад я — совершенно заслуженно — проявил к нему свое неуважение. Сейчас, здороваясь со снующими туда-сюда юристами в черных робах³, я перешел мощенную красным кирпичом площадь, залитую ярким солнечным светом, и посмотрел на окна Стивена Билкнапа. Это был мой старый враг, как в суде, так и вне его. Окна были за-

¹ Один из четырех судебных иннов, юридических корпораций в Лондоне. Существовало и существует до сих пор четыре таких корпорации: Линкольнс-Инн, Грейс-Инн, Миддл-Темпл и Иннер-Темпл.

² Сержанты юриспруденции представляли собой высший разряд барристеров в английском суде, небольшую элитную группу адвокатов, работавших в центральных общих судах. Сержанты носили особую одежду, основным отличием которой являлась особая шапочка.

³ Мужская длинная одежда, надеваемая через голову, с пышными рукавами и стоячим воротником.

крыты ставнями. Он болел с начала года, и уже много недель его никто не видел. Говорили, что он при смерти.

Подойдя к кабинету казначея, я постучал в дверь, и резкий голос пригласил меня войти. Роулэнд сидел за столом в своем просторном помещении — все полки на стенах кабинета были уставлены тяжеленными юридическими томами, демонстрируя статус его владельца. Это был старый, за шестьдесят, человек, тощий, как щепка, но твердый, как дуб, с узким морщинистым нахмуренным лицом. Он щеголял седой бородой, длинной и раздвоенной по нынешней моде, тщательно расчесанной и доходящей до середины его шелкового камзола. Казначей очинивал гусиное перо и, когда я вошел, поднял на меня глаза. Пальцы у него, как и у меня, были в пятнах от многолетней чернильной работы.

— Дай вам Бог доброго утра, сержант Шардлейк, — проговорил он своим пронзительным голосом и положил ножик.

Я поклонился.

— И вам, мастер казначей.

Роулэнд махнул рукой в сторону табурета и сурово посмотрел на меня.

— Как идут ваши дела? Много ли разбирательств внесено в список Михайловской судебной сессии?¹

— Довольно много, сэр.

— Я слышал, вы больше не получаете работы от стряпчего королевы, — как бы невзначай сказал казначей. — В этом году никакой.

— У меня куча других дел, сэр. Все время занимает работа с гражданскими исками.

Мой собеседник наклонил голову.

— Я также слышал, что некоторых придворных королевы Екатерины допрашивали в Тайном совете. За еретические воззрения.

— Ходят такие слухи. Но в последние месяцы кого только не допрашивали!

— Последнее время я частенько видел вас на мессе в церкви нашего инна. — Роулэнд сардонически улыбнулся. — Про-

¹ Осенняя судебная сессия, называемая Михайловской в честь сентябрьского дня Архангела Михаила.

являете должное благочестие? Разумно в наши бурные дни. Посещать церковь, избегать всяческой дискуссионной болтовни, следовать желаниям короля...

— Совершенно верно, сэр.

Казначей взял очиненное перо, поплевал на него, чтобы размягчить, и вытер о тряпочку, а потом снова пронзительно взглянул на меня.

— Вы слышали, что миссис Анна Эскью приговорена к сожжению вместе с тремя прочими еретиками? Сожжение состоится в пятницу, шестнадцатого июля.

— В Лондоне только об этом и говорят. Некоторые шепчут, что после приговора ее пытали в Тауэре. Странная вещь...

Роулэнд пожал плечами:

— Уличные сплетни. Но эта женщина выбрала неудачное время для своей сенсации. Бросить мужа и явиться в Лондон, чтобы проповедовать мнения, явно противоречащие «Акту о шести статьях»... Отказаться переменить веру, публично спорить со своими судьями... — Он покачал головой, а потом подался вперед. — Сожжение будет грандиозным зрелищем. Такого не было уже много лет. Король хочет показать, к чему приводит ересь. Там будет половина Тайного совета.

— Без короля? — уточнил я. Ходили слухи, что и он может прийти на казнь.

— Без.

Я вспомнил, что весной Генрих серьезно заболел, и с тех пор его толком никто не видел.

— Его Величество хочет, чтобы там были представители от всех лондонских гильдий, — заметил Роулэнд, после чего сделал паузу и добавил: — И от всех судебных иннов.

Я так и уставился на него.

— Я, сэр?

— У вас меньше социальных и церемониальных обязанностей, чем полагается для вашего ранга, сержант Шардлейк. Похоже, на это дело нет охотников, поэтому решать приходится мне. Думаю, пришла ваша очередь.

Я вздохнул:

— Знаете, я всегда был слабоват для таких поручений. Если хотите, я готов выполнить нечто большее. — Я глубоко вдох-

нул. — Но прошу вас, не такое. Это будет ужасно. Я никогда не видел сожжения, и у меня как-то нет никакого желания.

Роулэнд пренебрежительно махнул рукой.

— Вы слишком привередливы. Это странно для фермерского сына... Вы же видели экзекуции, я знаю. Когда вы работали у лорда Кромвеля, он заставил вас присутствовать при отсечении головы Анны Болейн.

— И это было ужасно. А теперь будет еще хуже.

Казначей похлопал по бумагам на столе.

— Мне прислали требование, чтобы я выделил кого-нибудь на сожжение. Подписано государственным секретарем, самим Пэджетом. Я должен сообщить ему имя сегодня же вечером. Мне очень жаль, сержант, но я решил, что пойдете вы. — Он встал, давая понять, что разговор закончен.

Я тоже встал и снова поклонился.

— Благодарю вас за желание глубже погрузиться в деятельность инна, — сказал Роулэнд, снова спокойным голосом. — Я посмотрю, какие еще, — он замаялся, неуверенно подыскивая подходящее слово, — мероприятия могут слушаться в ближайшее время.

* * *

В день сожжения я проснулся рано. Казнь была назначена на середину дня, но мне было очень тяжело в таком удрученном состоянии духа идти в кабинет судьи. Пунктуальный, как всегда, мой стюард Мартин Броккет в семь утра принес мне в спальню льняные полотенца и кувшин с горячей водой и, пожелав доброго утра, выложил рубашку, камзол и летнюю робу. Как обычно, его манеры были серьезны, спокойны и почтительны. С тех пор как он со своей женой Агнесой начал работать у меня зимой, мое домашнее хозяйство стало функционировать как часовой механизм. Через приоткрытую дверь я слышал, как Агнеса просит мальчика Тимоти, чтобы тот не забыл принести свежей воды, а девушку Жозефину — поспешить со своим завтраком, чтобы успеть накрыть стол для меня. Она говорила легким, дружелюбным тоном.

— С новым прекрасным днем, сэр, — рискнул поздравить меня Броккет. Ему шел пятый десяток, и у него были

редеющие волосы и невыразительное, незапоминающееся лицо.

Я не говорил никому из домашних, что иду на сожжение.

— Спасибо, Мартин, — поблагодарил я стюарда. — Вот уж действительно прекрасный день! Пожалуй, утром я поработаю у себя в кабинете, а после полудня мне нужно будет уйти.

— Прекрасно, сэр. Ваш завтрак вот-вот будет готов. — Броккет поклонился и вышел.

Я встал, поморщившись от спазма в спине. К счастью, теперь это случалось реже — после того как я стал прилежно делать упражнения, которые мне прописал мой друг доктор Гай. Мне бы хотелось чувствовать себя свободнее с Мартином. Мне нравилась его жена, но в его холодной, скованной чопорности было что-то такое, отчего мне никогда не было с ним легко. Умыв лицо и облачившись в чистую, благоухающую розмарином льняную рубашку, я пожурил себя за непоследовательность, поскольку, как хозяину, мне самому и следовало бы инициировать менее формальные отношения.

Затем я посмотрелся в стальное зеркало. Подумалось, что морщин прибавилось. Весной мне исполнилось сорок четыре. Морщины на лице, седина в волосах, сторбленная спина... Поскольку в моде были бороды — мой помощник Барак недавно отрастил себе опрятную русую бородку, — пару месяцев назад я попытался тоже отпустить такую же, но в бороде, как и в волосах, пробивалась седина, и я считал, что это было мне не к лицу.

Через окно с тонким переплетом я посмотрел на сад, где разрешил Агнессе установить несколько ульев и посадить цветы. Последние улучшили вид и, кроме хорошего запаха, еще и приносили практическую пользу. Вокруг них жужжали пчелы, пели птички, и все было ярким и полным цвета. Что за день для молодой женщины и троих мужчин, которых ожидает ужасная смерть!

Мои глаза обратились к письму на столике у кровати. Оно пришло из Антверпена, из испанских Нидерландов, где жил мой девятнадцатилетний подопечный Хью Кёртис, который работал там у английских купцов. Теперь Хью был счастлив. Первоначально он собирался учиться в Германии, но вместо этого остался в Антверпене и обнаружил неожиданный интерес

к торговле тканями, особенно к выискиванию и оценке редких шелков и новых материй — например, хлопка, поступающего из Нового Света. В письмах от Хью сквозило удовольствие от работы, а также от интеллектуальной и социальной свободы большого города, от рынков, дискуссий и чтений в камерах риторов¹. Хотя Антверпен являлся частью Священной Римской империи, католический император Карл V не вмешивался в дела живших там протестантов — он не смел подвергать опасности коммерцию фландрских банков, которые финансировали его войны.

Хью никогда не говорил о мрачной тайне, которую мы хранили после нашей встречи в прошлом году, и все его письма выдерживались в радостном тоне. Впрочем, в этом письме были новости о прибытии в Антверпен множества английских беженцев.

«Они в плачевном состоянии и обращаются к купцам за помощью. Это реформаторы и радикалы, боящиеся попасть в сеть преследований, которую, по их словам, епископ Гардинер накинуд на всю Англию».

Со вздохом я облачился в робу и спустился к завтраку. Я больше не мог оттягивать начало этого страшного дня.

* * *

Охота на еретиков началась весной. Зимой переменчивая королевская религиозная политика словно бы склонилась в пользу реформаторов: король убедил парламент дать ему право уничтожить часовни, где священники получали деньги по завещанию немощных жертвователей, чтобы те отслужили мессу за их души. Но, как и многие другие, я подозревал, что он руководствовался не религиозными, а финансовыми мотивами — гигантскими расходами на войну с Францией, где англичане по-прежнему оставались осажденными в Булони. Генрих VIII продолжал понижение качества монет, и цены взлетали так сильно, как не было еще никогда на людской памяти. Самые новые «серебряные» шиллинги были покры-

¹ Общества любителей литературы и театра в средневековых Нидерландах.

ты лишь тонким слоем серебра поверх меди, и это покрытие уже страшно износилось. Король получил прозвище Старый Медный Нос. Скидка, которую требовали торговцы за такие монеты, делала их дешевле шестипенсовиков¹, хотя жалование платили по цене, указанной на аверсе монеты.

А потом, в марте, вернулся с переговоров о новом договоре с императором Священной Римской империи епископ Стивен Гардинер — самый консервативный из королевских советников, когда дело касалось религии. В апреле пошли слухи, что людей высокого и низкого звания хватают и допрашивают за их взгляды на мессу и за обладание запрещенными книгами. Допросы коснулись даже придворных короля и королевы, а среди прочих наполнявших улицы слухов был и такой: что Анна Эскью, самая известная из приговоренных за ересь, была связана с двором королевы, где проповедовала и вела пропаганду среди фрейлин. Я не видел королеву Екатерину с тех пор, как год назад она оказалась замешана в потенциально опасном деле, и знал, к своему большому сожалению, что вряд ли снова увижу эту милую и благородную женщину. Но я часто думал о ней и боялся за нее, поскольку охота за радикалами усиливалась: только на прошлой неделе был выпущен указ с подробным длинным списком книг, которые запрещалось иметь, и на той же неделе придворный Джордж Блэгг, друг короля, был приговорен к сожжению за ересь.

Я больше не симпатизировал ни той, ни другой стороне в этой религиозной сваре и иногда сомневался в самом существовании Бога, но исторически сложилось так, что я оказался связан с реформаторами, и потому, как и большинство людей в этом году, старался не высовываться и держать рот на замке.

Из дома я вышел в одиннадцать. Тимоти вывел моего доброго коня по кличке Бытие к входной двери и установил специальную лесенку, чтобы я мог сесть верхом. Мальчику уже было тринадцать, он вытянулся и стал худым и нескладным. Весной я отдал моего предыдущего слугу, Питера, в подмастерья, чтобы дать ему шанс в жизни, и планировал сделать то же самое для Тимоти, когда ему исполнится четырнадцать.

¹ В то время в шиллинге было 12 пенсов.